

Легкие шаги

Вениамин Каверин

Шум приближавшегося поезда послышался издалека, круглый столб расширяющегося света несся перед ним, и вдруг стали видны станция, с которой свисал снег, лениво заглядывая в освещенные окна, ларек "Пиво - воды", знакомый извозчик из Дома Отдыха Престарелых Грачей, который стоял у ларька, держа кружку с пивом, и даже вылезавшая из кружки, лопающаяся пена. Поезд налетел, пролетел, оставив всех в темноте, в тишине. Но прежде чем он пролетел, Петька ясно увидел какую-то девочку, перемахнувшую по воздуху через рельсы перед самым фонарем электрички. Он ахнул. И возчик тоже сказал: "Ух ты!" Но когда улеглись поднятые поездом снежные вихри, на той стороне не оказалось никого, кроме двух баб, закутанных так, что их можно было принять за двигающиеся мешки с картошкой.

Теперь до Немухина было недалеко, и Петька прибавил шаг. О девочке он подумал научно: "Обман чувств". Он любил обо всем думать научно. Но это не было обманом чувств, потому что через несколько минут он увидел ее на углу Нескорой и Малинового переулочка. Она стояла, поглядывая по сторонам, точно размышляя, куда бы ей еще слетать, - такой у нее был воздушный вид. На ней было короткое ситцевое платье с большим бантом на спине, а за плечами что-то вроде накидочки. Она была без пальто, и это показалось Петьке интересным, но тоже не вообще, а с научной точки зрения.

- Хрю-хрю, - сказал он.

Девочка обернулась. Пожалуй, надо было поздороваться, но он поздоровался в уме, а вслух сказал:

- А пальто где? В школе забыла?

- Извините, - сказала девочка и присела. - Я еще не знаю, что такое "пальто".

Она, конечно, шутила. Любила же Петькина тетка говорить: "Я не знаю, что такое насморк".

- А где ты живешь?

- Нигде.

- А конкретно?

- Извините, - сказала девочка. - Я еще не знаю, что такое "конкретно".

- Между тем пора бы и знать, - рассудительно заметил Петька. - Тебе сколько лет?

- Второй день.

Петька засмеялся. Девочка была беленькая, а ресницы - черные, и каждый раз, когда она взмахивала ими, у Петьки - ух! - куда-то с размаху ухало сердце.

- Теперь я вас хочу спросить, - сказала девочка. - Скажите, пожалуйста, что это за штука?

Она показала на луну.

- Тоже не знаешь?

- Нет.

- Эта штука называется "луна", - сказал Петька. - Ты, случайно, с нее не свалилась?

Девочка покачала головой.

- Нет, я из снега, - серьезно объяснила она. - Вчера ребята слепили снежную бабу. Мимо проходил какой-то старик с бородой. Он посмотрел на меня... то есть не на меня, а на снежную бабу, и сказал сердито: "Ну нет, и без тебя на дворе довольно бабья".

Она рассказывала спокойно, неторопливо, и Петька заметил, что, когда он говорит, изо рта идет пар, а у девочки не идет.

- Мальчишки ушли, а он меня переделал. На голове у меня было дырявое ведро - он его сбросил, в руках швабра - он ее вынул. Он пробормотал: "В этом деле я не специалист", - когда делал прическу. "А теперь устроим ей ножки", - когда устраивал ножки. Я не слышала, потому что меня еще не было, но, наверно, я уже отчасти была, потому что я все-таки слышала. С глазами не получалось! - сказала она с огорчением. - А потом получилось. Вот.

Она взмахнула ресницами, и у Петьки - ух! - куда-то ухнуло сердце.

- Потом он сказал: "А ходить ты будешь легко, потому что я не люблю девочек, которые ходят, как утки". В общем, я получилась у него так хорошо, что открыть глаза и заговорить -это было не так уж и трудно.

- И ты заговорила?

- Не сразу. Сперва вздохнула.

- Что же ты сказала?

- Не помню. Кажется. "Добрый вечер!".

- А он?

- Он? "Ах ты, моя душенька!" - и ушел.

- Странная история, - сказал Петька.

Они были теперь недалеко от Немухина. Впрочем, Петька - то далеко, то близко. У него были длинные ноги, и он, задумавшись, уходил от девочки, а потом спохватываясь и возвращался.

По Нескорой всегда плелись нехотя, вразвалку. Такая уж была улица, располагавшая к лени. Немухинский горсовет переименовал ее было в Какпулясовсебногноносященскую, но из этого ничего не вышло - все сразу начинали плестись, едва сворачивали в нее с Малинового переулка. Но Петька, устроив девочку в дровяном сарае, где было так холодно, что даже дрова покрхтывали, и, чтобы согреться, толкали друг друга боками, действительно пролетел эту улицу как пуля. Дело в том, что на этой улице жил старый Трубочный Мастер. Самыми ценными считаются обкуренные трубки, поэтому в его маленьком домике всегда стоял дым - тот самый, о котором почему-то говорят "дым коромыслом". В этом дыму с трудом можно было различить хозяина, который сидел в кресле, скрестив короткие ножки.

Он очень боялся, что врачи запретят ему курить. На дощечке у ворот вместо "Внимание! Злая собака" было написано: "Внимание! Врачам и даже членам Академии медицинских наук вход запрещен". Всех он спрашивал: "Простите, а вы, случайно, не врач?" Когда Петька влетел к нему, запыхавшись, он тоже начал было: "Простите, а вы, случайно..."

- Дяденька, необыкновенный случай! - закричал Петька. -Морозоустойчивая девчонка!

И он рассказал Трубочному Мастеру о девочке, которая не знает, что такое "пальто", что такое "луна"

и что такое "конкретно".

- Любопытно. Возможно, что это просто Снегурочка. Подождем до весны.

- Почему до весны?

- Потому что весной Снегурочки тают.

- Дяденька, - помолчав, сказал Петька, - а нельзя ли, чтобы она все-таки как-нибудь...

- Ну, знаешь, - сказал Трубочный Мастер, - это уж слишком. Ты же сам говоришь, что она из снега.

- Да, дяденька, но все-таки как-нибудь... Ведь есть же на свете, например, вечный лед. Он ведь не тает?

- Лед - нет. А Снегурочки - да.

Старый Мастер, набив в трубку табак, умял его коротким желтым пальцем, закурил и стал думать. Пуф-пуф! Большие важные кольца дыма стали медленно подниматься в воздух, а за ними -пуф-пуф - покатались мохнатые голубые клубочки. Это значило, что вопрос сложный. Когда Старый Мастер обдумывал несложный вопрос, он просто пускал дым из ноздрей.

- Не знаю, не знаю, - наконец сказал он. - Разве что послать ее в Институт Вечного Льда? Я немного знаком с директором. Он, кстати, сам из бывших Дедов-Морозов.

И он написал: "Уважаемый Павел Георгиевич! Поручаю Вашему вниманию прилагаемую к сему девочку без пальто. По-видимому, морозоустойчива. Есть опасение, что растает к весне. Не хотелось бы". Он отдал записку Петьке.

- Спасибо, дяденька.

Но Мастер уже забыл о нем. Он открыл окно, дым повалил наружу, и соседи, как всегда, испугались, что в поселке пожар, а потом, как всегда, успокоились, вспомнив о Старом Мастере Трубок.

Директор Института Вечного Льда был плотный румяный человек с седеющей бородой и бесформенным носом между розовых щек. О нем говорили: "Хорош, но со странностями". И действительно, странности были. Летом он чувствовал себя не в своей тарелке, а зимой - в своей. Летом был зол и нетерпелив, а зимой - свеж и болтлив. В отпуск он уходил в январе и всегда удивлялся, что его сотрудники предпочитают отдыхать летом. Фамилия его была Тулупов.

- Как-никак это все-таки чудо, - прочитав записочку, сказал он Петьке. - А чудеса надо изучать, потому что это -воздух науки.

И он приказал поместить девочку в холодильник номер один.

Это был самый обыкновенный холодильник - только очень большой. Там, где было написано "Мясо", лежало много мяса, а где "Фрукты" - очень много фруктов и овощей. Над дверью, когда она открывалась, зажигался большой голубой шар, а на стенках внутреннего шкафа был такой толстый иней, что Снегурочка могла бы писать на нем, если бы она умела писать. Для удобства кто-то предложил называть ее И.О. (исполняющая обязанности) Снегурочки, но директор сказал, что это вздор, и девочку стали называть просто Настей.

Но была ли она Снегурочка? - вот вопрос, который интересовал решительно всех, но больше всех, разумеется, ученых. Это было время, когда много писали о Снежном человеке, который будто бы живет в Гималаях, и один из ученых предположил, что Настенька - дальняя родственница этого дикаря, который только и делает, что ходит, оставляя огромные следы на снегу. Другой, много лет изучавший сказку о Золотом Ключике, пытался доказать, что неизвестный старик, вылепивший девочку из снега, не кто иной, как папа Карло, который вырезал Буратино из полена.

Почти каждый день ученые, надев шубы и валенки, отправлялись в холодильник, и Настенька

терпеливо рассказывала им свою историю. Ох, как они ей надоели! Особенно один, с синим носом, который то и дело дышал на пальцы и хлопал в ладоши, чтобы согреться. Глаза у него почему-то бегали, но, когда ему говорили об этом, он отвечал, что иногда они бегают даже у великих людей.

Теперь Настенька знала, что такое "пальто", что такое "луна" и что такое "конкретно". В холодильнике у нее был порядок. Все хорошело, едва попадало к ней в руки. Соленое мясо начинало выглядеть свежим, рыба - живой, а на сыре выступали аппетитные слезы. Что касается холода - нечего и говорить. В холодильнике было холодно, как на Северном полюсе или даже как на Южном, потому что на Южном, говорят, еще холоднее.

Плохо было только одно: она очень скучала. Правда, Петя бывал у нее почти каждый день, хотя по арифметике у него была двойка. Но двойка, в конце концов, та же тройка, а до конца четверти было еще далеко!

Они разговаривали. Петя рассказывал Настеньке о своих делах, а она ему - о своих. Он - о том, что у них злющая завуч и что, когда Настенька научится читать, он принесет ей "Таинственный остров", а она - что ей очень скучно. Холодильник зашумит, а ей кажется, что это ветер шумит. Ученые надоели, особенно один с синим носом, который все старается ковырнуть ее пальцем. Луны в холодильнике нет, а ведь говорят, что, кроме луны, есть еще и какое-то солнце? Правда, ученые говорят, что она должна бояться солнца, но ей все-таки хочется на него посмотреть.

Петьке было страшно дотронуться до Настеньки, но он легонько хлопал ее по плечу и говорил:

- Ничего, Настенька, держись!

Потом она говорила ласково:

- Идите, Петенька. Вы замерзли.

Но он сидел, пока ноги у него не становились, как деревяшки.

И вот однажды, нарочно вскочив пораньше, чтобы приготовить уроки (ему хотелось поехать к Настеньке прямо из школы). Петя включил радио и услышал: "Внимание, внимание! Пропала девочка, по имени Настенька, из породы Снегурочек, очень хорошенькая, в ситцевом платье, вежливая, ходит легко. О местонахождении просьба сообщить в Институт Вечного Льда".

Широко известно, что, как только происходит что-нибудь не совсем обыкновенное, сразу же появляются слухи. В тот же день весь город заговорил о том, что некий Персональный Пенсионер, почтеннейший человек со множеством медалей, своими глазами видел девочку в легком платье, которая катилась по улице, как на коньках, а потом - раз! - и взлетела. Не высоко и не из шалости, полагал Персональный Пенсионер, а просто потому, что не могла не взлететь. Его спрашивали: "Почему же все-таки не могла?" Он отвечал, подумав: "Видите ли, она так плавно шла, что положительно не могла не взлететь".

Второй слух касался ласточки, которой надоело каждый год улетать в жаркие страны. Она осталась на зиму в Москве, а в этот день стоял сильный мороз, и нет ничего удивительного в том, что она стала замерзать на лету.

- Падаю, - сказала она и без сомнения упала бы, если бы ее не подхватила девочка в легком платье, хорошенькая и очень вежливая: даже с ласточкой она заговорила на "вы".

- Что с вами?

- Я умираю.

- Я бы положила вас за пазуху, - задумчиво сказала девочка, - но боюсь, что там вам будет еще холоднее.

И с ласточкой в руках она побежала дальше.

Третий слух касался Пекаря, который любил говорить о себе: "Я, как одинокий мужчина..." Он любил похвастаться, а похвастаться было не перед кем - ни жены, ни детей. Так вот этот Пекарь только что вытащил из печки минский хлеб и только что сказал другому пекарю: "Я, как одинокий мужчина..." -когда какая-то девочка легко вбежала в пекарню и сунула ему за пазуху ласточку. А у Пекаря за пазухой, как известно, тепло, как на Юге.

Но самый интересный слух касался Петькиного дяди. Его звали Костя Лапшин, и он как раз в этот день приехал в Москву.

Дядя Костя был хорош тем, что ему до всего было дело. Он только и смотрел, куда бы сунуть свой нос, - это называлось у него поразмяться. Нос, кстати сказать, у него был здоровенный.

Неизвестно, как он узнавал, что кому-нибудь нужно помочь, но узнавал, и почти всегда без ошибки. Только однажды он пришел к старушке, сломавшей ногу, с хитроумным, собственного изобретения костылем и получил этим костылем по шее, потому что ногу сломала другая старушка.

Все у дяди Кости было на своем месте, как вообще у людей, но почему-то казалось, что не на своем. Глаза у него, например, не смотрели в разные стороны, а казалось как раз, что смотрели. Ногами он, кажется, не загребал или не очень, а казалось, что очень. Волосы он причесывал как все люди, а казалось, что они у него стоят дыбом. Он был ученый не хуже того, с синим носом, который дышал на пальцы и прыгал, а на вид он был вроде Снежного человека - во всяком случае, на снегу от него оставались такие же большие следы.

Еще по дороге в Москву он узнал, что пропала девочка из породы Снегурочек, и, конечно, сразу же решил сунуть нос в это дело. Но когда он приехал в Немухин и узнал, что Петька, родной племянник, схватил уже не одну, а четыре двойки, потому что только и думает, как бы ему найти эту девочку, дядя Костя не просто сунул нос в это дело, а нырнул в него с головой.

Когда он узнавал, что нужно кому-нибудь помочь, он прежде всего составлял план: как помочь, чем помочь и что делать, чтобы помочь не на словах, а на деле.

Петьке он тоже предложил план: 1. Поговорить с ласточкой, которую спасла Настенька. У ласточки должны быть знакомства среди птиц, а птицы летают повсюду. 2. Опросить всех московских мороженщиц, потому что Настенька, без сомнения, любит все холодное, в частности эскимо и пломбир. Деньги у нее есть. Пока она жила в холодильнике, считалось, что она как бы в командировке, и Институт Вечного Льда выплачивал ей суточные -два шестьдесят в день.

К сожалению, ласточку найти не удалось, хотя дядя Костя дал объявление в "вечерку": "Разыскивается единственная ласточка, оставшаяся на зиму в Москве".

Что касается мороженщиц - не было ничего легче, как опросить их, если бы их не было так много. Они стояли на каждом углу и сердились, что мороженое зимой раскупается хуже, чем летом. Все, как одна, они были сердитые, и это до крайности затрудняло задачу. Их, конечно, тоже можно было понять: мало радости стоять в замерзшем, твердом фартуке на улице в лютый мороз и кричать как на смех: "А вот кому мороженого?" - когда и без мороженого ни у кого зуб не попадает на зуб.

Когда Петька и дядя Костя спрашивали у них: "Простите, пожалуйста, не покупала ли у вас эскимо или пломбир девочка, по имени Настенька, сбежавшая из Института Вечного Льда?" - они обычно отвечали: "Пломбира нет", а когда Петька или дядя Костя объясняли, что Настенька не простая девочка, а из породы Снегурочек и что мороженщицы должны принять в ней участие хотя бы по этой причине, они отвечали: "Девочек много".

День за днем так и прошла зима. Дядя Костя хотя и продолжал искать Настеньку, но понемногу начал заниматься своими делами. А Петька начал вздыхать. Сперва он вздыхал два-три раза в день, но чем ближе к весне, тем чаще. Двоек у него больше не было, но он все-таки вздыхал и вздыхал. По вечерам, возвращаясь из школы, он долго стоял у переезда, нарочно дожидаясь, пока стрелочник спустит шлагбаум, - все надеялся, что Настенька мелькнет перед ярким фонарем электрички. Но поезд проходил, наступала тишина, темнота. Вздыхая, Петька, возвращался домой и, вздыхая, садился за книжку.

Нельзя сказать, что он не старался с научной точки зрения объяснить себе, почему он так часто вздыхает. Но наука наукой, а скука скукой.

Ближе к весне начались снегопады. Мягкий, медленный снег падал с утра до вечера, а по ночам снова падал и падал. В поселке он свисал с крыш, на поле не торопясь трудился над сугробами, все старался, чтобы они были помягче, повыше. Петька выходил во двор, и в медленном, плавном кружении снежинок ему все чудилась Настенька, тоненькая, вежливая, в легком платье. Вот она катится, как на коньках, и вдруг взлетает, скрестив стройные ножки. Вот она говорит: "Извините, мальчик" - и приседает, касаясь краешков платья руками.

Снегопады прошли, началась оттепель, а потом - снова метели, теперь уже весенние, мокрые. Тяжелый снег гнался за кем-то, переваливаясь, подгоняемый ветром, и нехотя, мягко валился на землю.

Еще неделя, другая, и больше нельзя ходить в школу на лыжах. Весна! "А весной, - сказал Старый Трубочный Мастер, - Снегурочки тают".

Куда же все-таки девалась Настенька? Ученый с синим носом предположил, что она улетела в холодные страны. Видел же Персональный Пенсионер, как она шла, шла и взлетела!

- Но взлететь - одно, - сказали другие ученые, - а улететь - другое.

Он возразил, что в таком случае она просто ушла, - не ленится же птица коростель каждый год ходить пешком в Африку и обратно.

Спор не затянулся бы надолго, если бы ученые знали, что Настенька всю зиму прожила у Пекаря, того самого, который любил говорить: "Я, как одинокий мужчина..."

Он не очень удивился, когда Настенька сунула ему за пазуху ласточку.

- Позвольте представиться - и Пекарь и печка, - сказал он и пригласил Настеньку к себе выпить чаю с теплым минским хлебом.

Пекарь считал, что на свете много важных дел, но хлеб, если его хорошо испечь, поважнее. В пекарне у него был порядок, а дома - кавардак, о котором он говорил, что по-своему это - тоже порядок. Все же он в душе обрадовался, когда Настенька, недолго думая, взялась за тряпку и швабру.

- Ах ты, моя душенька! - сказал он.

Всем почему-то хотелось называть ее душенькой.

Конечно, ему и в голову не пришло, что Настенька - из Снегурочек, а когда она стала убеждать его, смеялся и долго не верил. Потом поверил, ужаснулся и уж тут оказался на высоте: он поселил ее в такой холодной комнате, что каждый, входя, непременно говорил "бр-р"; на обед он приносил ей что-нибудь холодное - окрошку со льдом или холодец, на третье снежки - есть на свете такое вкусное блюдо.

Когда девочки успевают научиться шить, мыть и прибираться, неизвестно. Но научилась и Настенька, да так, что Пекарь, приходя домой, просто не верил глазам.

Натирая полы, она кружилась и пела, а застилая кровати, учила слова. Некоторые слова казались ей очень странными, и она много раз произносила их, чтобы привыкнуть. "Ненаглядный" - это, оказывается, был не тот, на которого не надо глядеть, а наоборот, очень надо. "Бессонница" - это, оказывается, не значило спать без снов, а наоборот, не спать.

- Вы не можете устроить, чтобы я увидела сон? - попросила она Пекаря. - Со мной этого еще никогда не случилось.

- Ладно, сделаем, - сказал Пекарь.

Конечно, он пошутил, но в ту же ночь она действительно увидела сон, и это было прекрасно. Она не верила, что снег может растаять совсем, до последней снежинки, хотя Петька клялся, что может. Теперь она поверила, потому что увидела лето. Да, очевидно, это было лето. Солнце, которого она ничуть не боялась, стояло низко над полем, и Настенька изо всех сил бежала к нему среди высокой травы. Петька говорил, что солнце закатывается, а ей не хотелось, чтобы оно закатилось. Она бежала, а потом взлетела и подхватила солнце как раз, когда оно уже легло на тонкую линию, разделявшую небо и землю.

Она проснулась и написала Петьке: "Мой ненаглядный". Это значило, что ей очень хотелось на него поглядеть. "Я видела сон". Это значило, что ей снилось лето. "Пекарь любит хлебнуть". Это значило, что Пекарь иногда выпивал. "Я тебя люблю". Это значило, что она его любит. "Приходи. Твоя Настя".

Ей хотелось попросить ласточку слетать к Петьке с этим письмом, но она не решилась: стояли морозы.

Так она и жила у Пекаря день за днем, неделя за неделей.

Молодая зима стала пожилой, а потом и старой - не то что в декабре, когда она была еще совсем девчонкой. Уже апрель был на носу, когда однажды, прибирая квартиру, Настенька услышала, как в переулке кричит точильщик. А у Пекаря как раз затупились ножи.

На этот раз чужое дело, которым занялся дядя Костя, касалось Старого Мастера - у него сломался станок для вытачивания трубок из виноградного корня.

С утра дядя Костя таскал по мастерским этот станок, расспрашивал мимоходом, не видел ли ктонибудь вежливую девочку в ситцевом платье, сбежавшую из Института Вечного Льда.

День был весенний, конец марта. Кое-где лежал еще снег, но уже почерневший, хрупкий. Дядю Костю принимали за точильщика, и это ему так нравилось, что он с трудом удерживался, чтобы не закричать: "А вот, кому точить ножи, ножницы?" В конце концов он не удержался, закричал. И тут произошло то, что иногда происходит в сказках: девочка лет двенадцати выглянула из окна и закричала: "Точильщик!"

Почему-то он сразу подумал, что это Настенька, хотя невозможно было вообразить, что Настенька, как обыкновенная девочка, живет в обыкновенном доме. Но все-таки это была она! Кто же еще мог выйти из дома с большим китайским зонтиком, который, как известно, защищает не от дождя, а от солнца! Кто же еще мог так вежливо спросить:

- Извините, но вы, кажется, совсем не точильщик?

- Конечно, нет! - весело сказал дядя Костя. - Это я просто в шутку кричал. А ведь правда здорово получилось? Извините, а вы случайно не Настенька?

Настенька кивнула.

- Не может быть! - закричал дядя Костя. - Какое счастье! Боже мой милостивый, да ведь мы с Петькой ищем вас целую зиму.

Она засмеялась.

- Так вы дядя Костя? - спросила она" и между ними начался длинный вежливый разговор - длинный, потому что вежливый, а вежливый, потому что длинный.

Почти каждая фраза начиналась: "Простите, а не думаете ли вы?" Или: "Извините, а не кажется ли вам?" Но вот они договорились до Петьки, и дело пошло веселее.

- Извините, а как сейчас Петя?

- Помилуйте, да он просто места себе не находит. Он очень боится, чтобы вы... как бы сказать... Мне это кажется странным... Он боится, как бы вы...

- А почему вам это кажется странным?

- Ну как же! Нельзя же все-таки! - волнуясь, сказал дядя Костя. - Существуют холодильники, очень хорошие. Еще вчера я читал, что выпущен новый, кажется, "Юность".

Настенька покачала головой.

- Вы даже не можете себе представить, что это за скука! Мертвая рыба лежит, а мне ее жалко; ученые приходят в шубах и валенках, а я их боюсь. Нет, нет! Лучше растаять. Если бы не Пекарь - это мой хозяин, - я бы давно растаяла. Я у него всю зиму провела. А теперь он меня отхлопотал до апреля.

- Отхлопотал?

- Да. В Министерство ходил. Но, знаете, как это было трудно! Только потому и удалось, что он очень влиятельный Пекарь. Он сейчас уехал в Минск. Там живет гроссмейстер по выпечке хлеба, и будет состязание. Но все равно мой хозяин его победит, потому что минский хлеб он печет лучше всех в Советском Союзе.

- Позвольте, как же так? - спросил дядя Костя. - Вы сказали - до апреля? Но до апреля осталось только несколько дней.

Настенька вздохнула.

- Разве? Ах, да. Простите, не можете ли вы передать Петеньке письмо? Я ему написала, что видела сон, что Пекарь любит хлебнуть и что он мой ненаглядный. Не Пекарь, конечно, а Петя.

Снегурочками, снежными бабами, снежными вершинами занималось Министерство Вьюг и Метелей. Это дядя Костя выяснил точно. Петька едва ли мог ему пригодиться. В лучшем случае, он рассказал бы, как скучает без Настеньки и как ему хочется почитать ей "Таинственный остров". Для Министерства Вьюг и Метелей подобные доводы не имели значения. Поэтому дядя Костя послал Петьку к Настеньке, а сам отправился на прием. Он надел свой лучший костюм и добрых полчаса простоял перед зеркалом, стараясь, чтобы все у него было, как у людей: глаза не смотрели в разные стороны, а волосы не торчали дыбом.

Насчет ног он тоже постарался, чтобы они не очень загребали и чтобы от них, по меньшей мере, не оставались такие большие следы.

Ну и холодно же было в Министерстве Вьюг и Метелей! Сотрудники безучастно смотрели на посетителей. Те, у которых был искренний, симпатичный взгляд, носили темные снеговые очки, чтобы никто не заметил, что они, в сущности, сердечные люди. От них, что называется, веяло холодом. И хотя это был не тот холод, от которого кутаются и одевают шубы, дядя Костя, войдя в Министерство, почувствовал, что у него зуб не попадает на зуб.

- Да... Снегурочка... очень любопытно! Желаю успеха, - выслушав его, нетерпеливо сказал Старший Советник. - Но мы, к сожалению, ничем не можем помочь.

- Извините, но ведь речь идет только о продлении срока. Ну, скажем, до осени.

- Знаем мы эти продления! Сперва до осени, потом до зимы, а зимой... Нет, нет, не могу. И потом, хотите выслушать совет опытного человека? Не связывайтесь. У нее нет ни паспорта, ни свидетельства о рождении. Она числится давно растаявшей, и то, что она сидит где-то под зонтиком, вообще бессмыслица, противоречащая всем законам природы.

- Природу следует исправлять, если это возможно.

- В данном случае это невозможно. Обратитесь в Министерство "Арктических Вьюг и Метелей" может быть, там заинтересуются этим вопросом.

Целый час дядя Костя упрямо доказывал, что Настенька вовсе не бессмыслица, а как раз наоборот -

чудо природы. Все было напрасно. Он ушел расстроенный, не заботясь больше ни о глазах, которые смотрели в разные стороны, ни о ногах, которыми он нарочно загребал изо всей силы.

Дядя Костя был умный, даром что всю жизнь занимался чужими делами. "Если уж в Министерстве Вьюг и Метелей дело вышло табак, - подумал он, - чего же ждать от Министерства Арктических Вьюг и Метелей?"

И он поехал в Институт Вечного Льда.

Это была уже не зима, когда Тулупов чувствовал себя в своей тарелке, но еще и не лето, когда он чувствовал себя не в своей. Приближалась весна, и хотя он погрузнел, помрачнел, но крепкий бесформенный нос еще бодро торчал картошкой между розовых щек.

- Не может быть! Нашлась! - так же, как дядя Костя, закричал он. - Какое счастье! Где она?

- Дома.

- Как дома? Надо немедленно отправить ее в холодильник.

- Вы понимаете, - волнуясь, сказал дядя Костя, - она говорит, что в холодильнике скука.

Тулупов обиделся.

- Что значит - скука? - холодно спросил он. - У нас лучшие холодильники в мире. Свежая курица сохраняет свежесть в течение пятнадцати лет.

Дядя Костя хотел сказать: "То курица", но вовремя удержался.

- В таком случае извините, - сказал Тулупов (он становился все холоднее), - ничем не могу помочь.

Дядя Костя замолчал. Все у него разъехалось от огорчения. Глаза уже смотрели в разные стороны, а ноги, даром что он сидел, стали заходить одна за другую. Тулупов посмотрел на него и смягчился.

- Ладно, куда ни шло, - вдруг сказал он. - Поехали.

- Куда?

- В Министерство. Не думайте, что из-за вашей Настеньки. Они там такое напутали с мартовскими метелями, что сам черт голову сломит.

Что случилось с мартовскими метелями, этого дядя Костя так и не понял, хотя Тулупов дорогой старался объяснить ему, что к ним нужен умелый подход, а в Министерстве считают, что они должны начинаться только с ведома и согласия начальства.

Очевидно, именно об этом шел громкий разговор, доносившийся из-за двери кабинета министра, - дядя Костя ждал Тулупова в приемной. Потом послышался смех, и еще через несколько минут Тулупов вышел в приемную с подписанным приказом. Вот он:

"Пункт 1. Разрешаю с 1-го апреля 1970 года считать Снегурочку, сбежавшую из Института Вечного Льда, самой обыкновенной девочкой без особых примет.

Пункт 2. Имя, отчество, фамилия: Снежкова Анастасия Павловна. Время и место рождения: поселок Немухин, 1970 год.

Социальное положение: служащая.

Отношение к воинской повинности: не подлежит".

- А почему Снежкова? - спросил дядя Костя.

- Их всех выписывают Снежковыми. Ну, а как еще? Снегурочкина? Если ей не понравится, переделаем. Но ведь она же все равно со временем замуж выйдет.

- А почему служащая?

- Поправим, если хотите. Домашняя хозяйка?

- Нет уж, пускай служащая. А почему Павловна?

- Это я виноват, - немного смутившись, ответил Тулупов. - Но ведь, в сущности, они все мои дети. Другое нехорошо.

- А именно?

- Долго объяснять. Пошли к секретарю, может быть, он не заметит.

Но секретарь заметил, даром что он был в снеговых очках. Внимательно прочитав приказ, он вернул его Тулупову.

- Не выйдет, - холодно сказал он.

- Почему? Ведь министр подписал.

- Да. Очевидно, забыл, что Снежные Красавицы еще не цветут.

- Ничего не понимаю. Объясните, пожалуйста, - попросил дядя Костя.

- Да что там, чиновники проклятые, - отводя его в сторону, проворчал Тулупов. - Вы понимаете, к таким приказам вместо печати прикалывается веточка Снежной Красавицы. А сейчас середина марта, и она еще не цветет. Послушайте, а может быть, веточку можно нарисовать? - повернувшись к секретарю, попросил он. - У меня в институте один парень рисует что твой Репин. Как живая будет.

- Вы же на основании этого приказа будете метрику хлопотать?

- Да.

- Ну вот. Милиция не позволит.

Секретарь снял очки, зажмурился от света и поманил Тулупова поближе. У него был симпатичный взгляд, и сразу стало ясно, что снеговые очки он носит просто для приличия.

- Попробуйте наведаться к Башлыкову, - оглянувшись по сторонам, тихо сказал он. - Он всю жизнь возится со снежными деревьями. Может быть, он вам поможет.

- Какой Башлыков?

- Из Отдела Узоров на Оконном Стекле.

- Он же на пенсии.

- Вот об этом с ним как раз не стоит разговаривать, - улыбнувшись, сказал секретарь. - О чем угодно, кроме пенсии. А то вы получите не снежное дерево, а фиговое. Вообще к нему стоит заглянуть, у него сад прекрасный.

Он надел снеговые очки и, чтобы все его пугались, свирепо выдвинул нижнюю челюсть.

- Понятно, - сказал Тулупов. - Пошли.

Тут произошли два события одинаково важных. Во-первых, выходя из Министерства, дядя Костя оступился и сильно подвернул левую ногу. Во-вторых, случилось то, чего никто не ожидал, кроме

Тулупова, утверждавшего, что в Министерстве напутали с мартовскими метелями: по радио сообщили, что завтра начнется сильный шквал. О шквалах обычно не сообщают, а тут не только сообщили, но и посоветовали: птицам сидеть по гнездам, а милиционерам привязать к ногам что-нибудь тяжелое, потому что они, как известно, не могут уйти с поста даже в самую плохую погоду.

Пока дядя Костя хлопотал о Настеньке, Петька читал ей "Таинственный остров". Слушая, она штопала что-нибудь или шила. В интересных местах она поднимала глаза, взмахивала ресницами, и у Петьки - ух! - с размаху куда-то ухало сердце.

Они ходили в магазины, и на солнечной стороне Петька держал над Настенькой китайский зонтик. Она говорила: "Петенька, я сама", но держал все-таки он - просто потому, что это было приятно.

Они разговаривали. Настенька рассказала ему свой сон, и Петька сказал, что ей еще повезло: он лично никогда не видит снов.

- Но, с научной точки зрения, - объяснил он, - люди, которые видят сны, почти ничем не отличаются от людей, которые их не видят.

Потом Настенька рассказала о Пекаре, как он заботится о ней, не топит в ее комнате, а по вечерам заставляет принимать ледяную ванну.

- Главное, чтобы душа была горячая, - говорил он, - а прочее - кино. Вот ты вроде прохладная, а от тебя в доме тепло. В чем же дело?

Когда он хотел похвалить что-нибудь, он говорил: "Рояль". "Ух, я сегодня кренделя выдал! Рояль!"

Так они сидели и разговаривали, когда дядя Костя вошел, сильно хромя, и плюхнулся в кресло.

- Беда, братцы, подвернул ногу.

Пока Настенька бегала за полотенцем и холодной водой, он разулся и долго горестно рассматривал распухшую ногу.

- Раз, два, три, - сказал он и сунул ногу в ведро с холодной водой. - Вот что, Петя, есть на свете такой - ох! - Башлыков из Отдела Узоров на Оконном Стекле. Ты немедленно -ох! - поедешь к нему и передашь это письмо. Но ни слова о пенсии. Ни слова! Если уж очень захочется сказать "пенси-я", говори что-нибудь другое на "пе"... "пекарня" или "пе-нал". Понятно?

Петя жил в Немухине, а Башлыков - в Мухине по той же Киевской железной дороге.

Можно было ожидать, что в его саду Снежные Красавицы стоят рядами, поднимая свои крупные белые чашечки среди зубчатых листьев. Ничуть не бывало! В самом обыкновенном палисаднике его встретил старичок с сиреневой сливой-носом. Уже по этому носу было видно, что с ним лучше не говорить о пенсии.

- Здравствуйте, дяденька, - сказал Петька, чувствуя, что ему до смерти хочется спросить, какая у старика пенсия - по нетрудоспособности или за выслугу лет. - Меня просили передать это письмо.

Башлыков прочитал письмо.

- Так-с, - задумчиво сказал он. - Хорошая девочка?

- Очень.

- Из Снегурочек?

- Да. Но все равно жалко. Она говорит - интересно.

- Что именно?

- Вообще жить. Она говорит, что даже просто дышать и то интересно. Другие не думают, верно? Дышат и дышат. А ей интересно.

- Еще бы, - сказал Башлыков. - Даже мне интересно.

- А в Министерстве, между прочим, без вас совершенно запутались среди узоров на оконном стекле, - сказал Петька. - Даже странно, говорят, без Башлыковани на шаг. Вот уж не думали.

Старичок засмеялся, усадил Петьку, разлил пиво, достал телятину и стал рассказывать, как он превосходно живет. Времени сколько угодно, и он даже стал учиться на виолончели, потому что это инструмент, на котором можно, почти не умея играть, тем не менее играть очень прилично. Языки его тоже интересуют, особенно испанский, который по упрощенному методу можно, говорят, изучить в две недели. Петьке опять захотелось спросить его насчет пенсии, но он, понятно, не стал, а чтобы расхотелось, сказал в уме несколько раз: "Пе-рекладина, пер-пендикуляр, перемена".

- Дяденька, так как же? - спросил он.

Башлыков подумал.

- Для Снежной Красавицы, конечно, рановато, - сказал он, - но, как говорится, будем посмотреть! - Он поднял вверх сухонький палец и повторил хвастливо: - Да-с, будем посмотреть!

И, выйдя в соседнюю комнату, он вернулся через несколько минут с веткой Снежной Красавицы.

Это была самая обыкновенная Снежная Красавица, но ведь, когда смотришь на нее, всегда кажется, что это дерево может расти только в сказках. Академик Глазенап, например, давно доказал, что оно как две капли воды похоже на невесту в подвенечном уборе. Но еще больше оно похоже на невесту, которая наклонилась, чтобы поправить свой подвенечный убор, и выпрямилась, блестя глазами и раскрасневшись.

Раскрывающиеся трубочки цветка осторожно откидываются назад, а розовые пестики покрыты одним из самых изящных узоров, вышитым Дедом Морозом в незапамятные времена.

- Вот-с, - сказал Башлыков с гордостью. - Какова?

Петя сказал, что красивее этой веточки он ничего в жизни не видел.

- Да-с, и притом - единственная. И не только единственная. Первая в Советском Союзе.

Осторожно держа перед собой приказ с приколотой к нему веточкой, Петя вышел от Башлыкова. С вокзала он пошел пешком - боялся, что приказ изомнут в метро. Он шел неторопливо, но, подойдя к пекарне, не выдержал, ринулся через улицу наискосок и еще поддал, увидев Настеньку, сидевшую во дворе под китайским зонтиком, с книгой на коленях.

Она была в светло-желтом платье, лежавшем ровным кругом на земле, точно она сперва покружилась, а потом села, как это сделала бы девочка, впервые надевшая длинное платье. Если бы кому-нибудь пришла в голову мысль посмотреть на нее сверху, он увидел бы только два светлых круга - зонтика и платья.

Теперь все было уже так хорошо, что лучше, кажется, некуда. С приказом в руке Петька подошел к Настеньке. И вот тут случилось то, о чем накануне сообщили по радио: налетел шквал.

Без сомнения, это был шквал, не предусмотренный Министерством Вьюг и Метелей, которое считало, что швалы должны держаться в пределах. В пригородах он сорвал восемнадцать крыш, хотя на четырнадцати из них были предусмотрительно навалены кирпичи, старые железные кровати и прочая рухлядь. В Немухине он забросил на колокольню двух козочек, которые очень удивились, увидев свой поселок с высоты - им всегда казалось, что они живут в одном из самых красивых мест на земле. Он сорвал вывеску с пивного зала на Кадашевской набережной и перенес ее на сберкассу, так что всем идущим в пивной зал захотелось положить свои сбережения на книжку, а всем идущим в сберкассу захотелось выпить.

Но, конечно, самое недопустимое заключалось в том, что он вырвал из Петькиных рук приказ, а у Настеньки - китайский зонтик. Приказ он отправил в небо над Колокольней Ивана Великого, а зонтик - тоже в небо, но над шпилем многоэтажного дома на Смоленской.

Трудно сказать, что было страшней для Настеньки. Правда, веточка была теперь приколота к приказу, но ведь он еще не был ей вручен!

Очевидно, не было другого выхода, как сломя голову ринуться за приказом, не спуская с него глаз и надеясь, что, согласно законам природы, он гденибудь да опустится на землю.

И Петька побежал, натываясь на москвичей, которые тоже бежали в метро, на работу, в магазины.

Приказ плыл, как журавль, в нежном мартовском небе. Оглянувшись, Петька заметил с беспокойством, что Настенька бежит за ним, да еще по солнечной стороне, без зонтика. Она тоже оглянулась в эту минуту и тоже с беспокойством, потому что за ней, ковыляя, охая и странно закидывая большую ногу, бежал дядя Костя.

- Прилетит! - кричал он. - Никуда не денется! Приказ, он свое место знает! Ага, что я говорил! - еще громче закричал он, увидев, что приказ плавно опускается на крышу многоэтажки. - Давай, милый, давай! Планируй!

Но, взлетая то вверх, то вниз, качаясь и кувыркаясь, приказ вдруг, здорово живешь, угодил прямо в дымовую трубу! Это видела вся Москва и, уж конечно, Настенька и Петя. Добежав до Арбатской площади, они остановились и в отчаянии посмотрели друг на друга.

Вот тут произошло еще одно событие, если не самое удивительное из всех, так уж во всяком случае самое приятное: пробежав добрых три километра под теплым весенним солнцем, Настенька не растаяла. Она запыхалась, разгорячилась, раскраснелась - все, кажется, одно к одному! Но вот не растаяла же!

И дядя Костя, доковыляв до них, догадался, в чем дело. Он поцеловал Настеньку, закричал, как Пекарь: "Рояль!" - и заплакал. И Настенька заплакала.

- Обними же ее, дубина! - сказал дядя Костя Петьке. От волнения он забыл о вежливости.

Стесняясь, Петька обнял Настеньку и на губах почувствовал вкус ее слез. Как известно, у людей слезы соленые, а у Снегурочек - пресные, вкуса талой воды. Настенька плакала, и слезы становились все солонее. Это значило, конечно, что она постепенно превращается в самую обыкновенную девочку без особых примет.

В чем же все-таки было дело? Ученый с синим носом предположил, что Настенька все-таки растаяла, а когда ему сказали: "Вот же, перед вами девочка!" - он ответил, как мороженщицы:

- Девочек много.

Другой ученый, тоже талантливый, объявил, что уж кто-кто, а он прекрасно понимает сущность вопроса.

- Она просто привыкла, - объявил он, подразумевая под этим словом, что Настенька привыкла быть человеком, а ведь всем известно, как трудно освободиться от привычки, даже очень хорошей.

Но дядя Костя думал иначе: "Нужна она была нам всем, вот и не растаяла, - решил он. - Каково было бы без нее, скажем, Пекарю? Или ласточке? Или мне, не говоря уж о Петьке? Кто говорил бы ему: мой ненаглядный! А приказ, что ж приказ! Возьмем копию, теперь, слава богу, торопиться некуда. Подождем, пока Снежная Красавица расцветет, и приколем не одну, а сразу две веточки".

Трудно сказать, кто из них прав. Как-никак был первый подобный случай в природе.

Дяде Косте давно пора было уезжать; ведь он все-таки в командировке занимался чужими делами. Но прежде надо было получить для Настеньки свидетельство о рождении и устроить ее в школу для

взрослых, чтобы она могла работать у Пекаря и учиться. К Башлыкову просто необходимо было заглянуть хоть на полчаса - проститься и оставить что-нибудь на память. А ведь это очень трудно - купить подарок мужчине, изучающему испанский язык и прилично играющему на виолончели.

Наконец надо было дождаться Пекаря хотя бы просто для того, чтобы познакомиться с известным мастером спорта, любившим говорить о себе: "Я, как одинокий мужчина..."

Все это было сделано, и с блеском. Свидетельство о рождении, например, было написано красивыми буквами, напоминавшими ледяные кристаллы. Башлыков принял всех троих - дядю Костю, Настеньку и Петьку, сыграл им на виолончели и сказал по-испански: "Salud". Разумеется, о пенсии не было сказано ни слова.

Втроем же они встретили Пекаря, который победил минского гроссмейстера и вернулся в отличном настроении. Он привез Настеньке в подарок огромный складной полотняный зонтик, под которым художники рисуют в любую погоду, и от души обрадовался, узнав, что зонтик больше не нужен.

Все, кому помогал дядя Костя, пришли провожать его - на перроне положительно нельзя было протолкаться. Здесь были Тулупов, Башлыков, Трубочный Мастер, Пекарь, Настенька, Петя - и среди людей, кстати сказать, прыгал Грач, которого дядя Костя устроил в Доме Отдыха Престарелых Грачей.

Старый Трубочный Мастер притащил ему трубку, которую он обкуривал три года, а Пекарь - такой душистый минский хлеб, что все спрашивали друг друга: "Чем это так прекрасно пахнет?"

Дядю Костю хлопали по спине и целовали. Еле живой, он влез в вагон и, утвердившись у окна, стал снова прощаться с друзьями.

- Приезжайте! - кричал он. - Приезжайте все! И Грач приезжай. И ты, старушка, которой я сделал костыль. Ничего, что ты меня побила!

Поезд пошел, сперва медленно, потом все быстрее, и, высунувшись из окна, дядя Костя увидел две тоненькие фигурки, которые отделились от толпы провожающих и побежали за поездом, размахивая платочками и крича: "Дя-дя Ко-стя!" Это были, конечно, Настенька и Петя.

Стараясь не задевать соседей ногами, дядя Костя полез на верхнюю полку, разделся, улегся и стал думать.

Он вспомнил, что старушка побила его не в Москве, а в Новосибирске, и не теперь, а давно, два года тому назад, - и долго смеялся, натянув на себя одеяло. О Настеньке он все еще беспокоился. "Надо бы, собственно, взять ее с собой, - подумал он. - Ездили бы мы с ней в город Снежное, Снежнянского района, снегирей купили бы. Хотя снегири тут, кажется, ни при чем".

Колеса стучали успокоительно, весело и тоже все про снегирей, снегопады, снежных коз, живущих на снежных вершинах.

А Петька, проводив Настеньку, вернулся в Немухин и стал ее рисовать. Сперва на бумаге появились два светлых круга. Это были зонтик, платье и тоненькие руки с книгой, опустившиеся на колени. В легком летнем платье, она сидела одна в открытом поле зимой. Везде были сугробы - молодые, мягкие, отбрасывающие пепельные тени, и старые, сердитые, с колючими кромками, над которыми кружились дымки.

Потом он нарисовал ее спящей. Она лежала на лугу летом, подложив ладонь под щеку, опустив нежные овалы ресниц, и солнце, которого она больше не боялась, золотило волосы, разделенные полоской пробора.

К О Н Е Ц

Скачивая сказку "Легкие шаги" Вы подтверждаете что будете использовать ее исключительно в ознакомительных целях и позже обязательно приобретете ее бумажный вариант.

Еще больше сказок для вас и ваших детей на сайте "В мире сказки" (vmireskazki.ru)